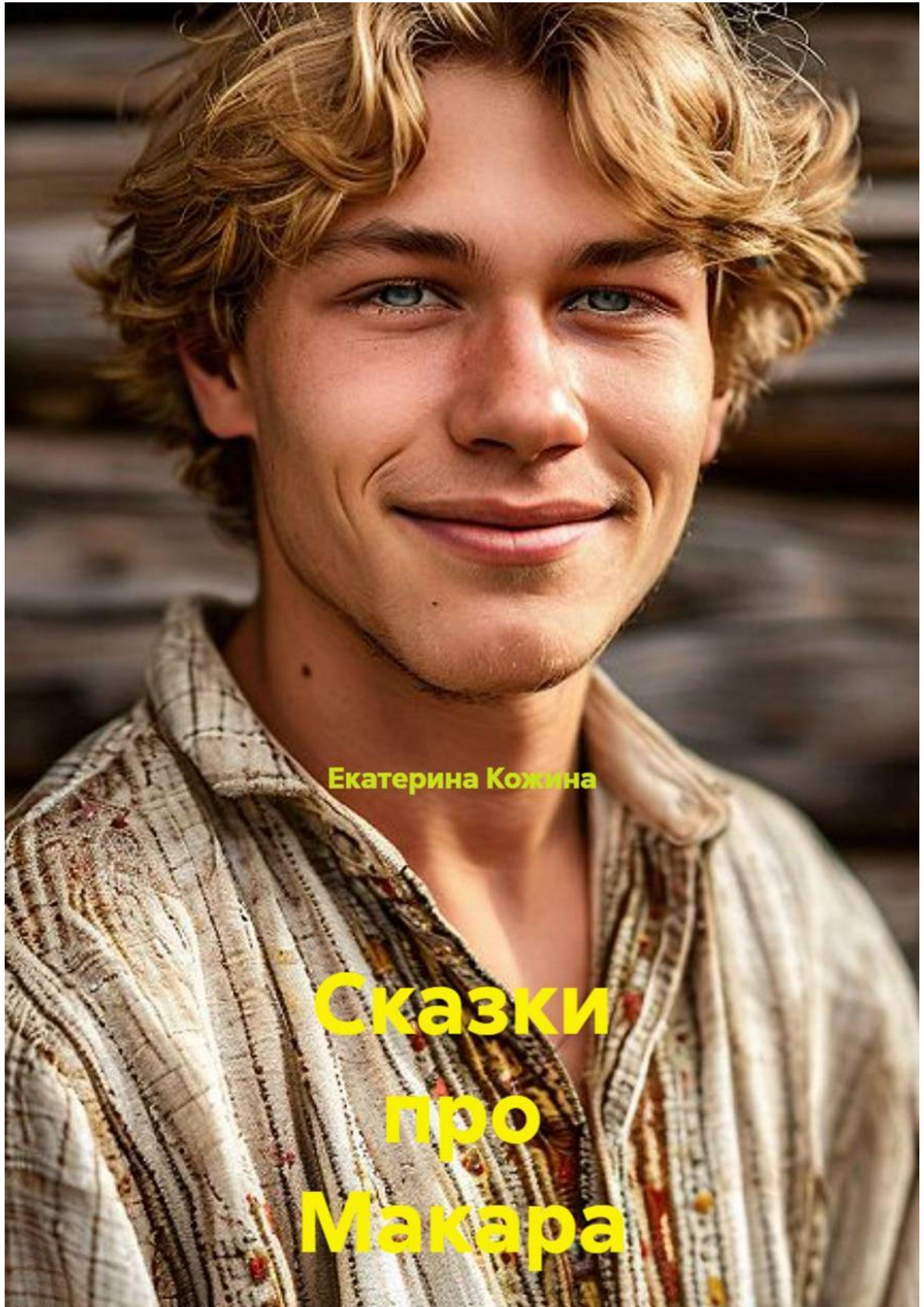

Екатерина Кожина

**Сказки
про
Макара**

Екатерина Кожина
Сказки про Макара

«Автор»

2026

Кожина Е.

Сказки про Макара / Е. Кожина — «Автор», 2026

ССказки про хитрого Макара, который все беды добром да смекалкой решал.

© Кожина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Как Макар тепляк искал	5
Макар и лесное Лихо	7
Макар и Конь-Огнегрив	9
Как Макар купца проучил	11
Как Макар царя кашей кормил	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Екатерина Кожина

Сказки про Макара

Как Макар тепляк искал

В некотором царстве, в таежном государстве, жил-был парень по имени Макар. Про таких в народе говорят: «Где все топором быют, Макар умом берет». Силой его природа не обидела, но пуще кулаков ценил Макар смекалку да доброе слово. Женился он на первой красавице деревни, Любаве, срубил крепкую избу, и все бы ладно, да припшлась на те края зима лютая — Столетняя.

Налетели ветры ледяные, заковали реку Анк под косогором в три обхвата льда, сугробы по самую крышу намели. Дрова в печке горят-гудят, а тепла в избе нет: мороз сквозь бревна инеем проступает, Любава в три шали кутается, зуб на зуб не попадает.

Пошел Макар к деревенским старикам на совет. Сидят деды на завалинке, бороны в сосульках.

— Эх, Макарка, — говорит старейшина, — это не простой мороз. Это Зюзя — царь ледяной — свое сердце на замок запер. Чтобы избу согреть, обычных дров мало. Нужен камень-тепляк. Он под заветной горой за тридевять земель лежит. Кто его в печь положит — у того всю зиму в избе весна стоять будет. Да только дороги туда никто не знает, а кто ходил — замерз по пути.

— Не бойтесь, деды, — отвечает Макар. — Русский человек на печи не замерзает и в сугробе дорогу найдет. Соберусь — и дойду.

Собрала Любава мужу узелок в дорогу: сухарей ржанных, сала кусок да рукавицы пуховые. Поцеловал Макар жену и зашагал в чистое поле, куда ворон не залетает.

Идет Макар день, идет два. Вокруг только белая пустыня да ветер воет. К концу третьего дня видит — торчит из сугроба серый хвост и уныло так качается. Раскопал Макар снег, а там Волк-серый бок. Замерз бедолага, лапы поджал, еле дышит.

Жалко стало Макару зверя. Достал он из-за пазухи кусок сала, дал Волку, а сам своими пуховыми рукавицами стал его бока растирать. Ожил Серый, глаза открыл, заговорил человеческим голосом:

— Спасибо тебе, Макар! Обогрел, накормил. Другой бы за шкуру мою взялся, а ты человеком оказался. Куда путь держишь в такой буран?

— За камнем-тепляком иду, к Зюзе ледяному. Да дорогу потерял.

— Садись на меня, — говорит Волк. — Я к Зюзе три раза за добычей бегал, когти об его крыльцо тупил. Довезу с ветерком!

Поскакал Волк пуще стрелы. Леса мимо мелькают, горы назад отступают. К полуночи примчал он Макара к хрустальному дворцу. Стены изо льда прозрачного, вместо окон — узоры морозные, а на крыльце стража стоит — белые медведи с ледяными пиками.

— Дальше мне нельзя, Макар, — шепчет Волк. — Зюзя меня в сосульку превратит. Удачи тебе!

Макар шапку поправил и пошел прямо к воротам. Медведи пики скрестили, зарычали. А Макар достал из узелка ржанные сухари, маслицем смазанные:

— Здорово, служивые! Чай, лапы-то на дворе оттоптали? Попробуйте-ка угощения нашего, деревенского. Хлеб — он и в морозы греет.

Медведи отродясь печеного не едали. Понюхали, сухари слизали, заурчали довольно и пики опустили — проходи, мол, добрый человек.

Входит Макар в тронный зал. Сидит на ледяном престоле царь Зюзя — борода до пола, изо рта пар синий идет, а в глазах — холод лютый.

— Зачем пришел, смертный? — гремит Зюзя, и от его голоса сосульки с потолка сыплются. — Жизнь надоела? Сейчас как дуну — в ледышку обратишься!

— Погоди дуть, Ваше Морозное Величество, — спокойно говорит Макар. — Я к тебе с миром и с подарком. Слышал я, что ты самый сильный царь на свете, да только скучно тебе в твоём хрустале. Все тебя боятся, никто слова доброго не скажет.

— А зачем мне слово? — удивился Зюзя. — Я силой велик!

— Сила — она у всех есть, — улыбнулся Макар. — А вот уметь душу погреть — это редкость. Давай уговор: если я тебя заставлю улыбнуться да сердце твоё растоплю — ты мне дашь камень-тепляк. А коли выстоишь против моей хитрости — забирай мою голову.

Зюзя нахмурился — лёд вокруг потрескался.

— Ладно, хвастун! Попробуй.

Достал тогда Макар из кармана простую деревянную свистульку, что в свободный час сам вырезал, прижал к губам да как заиграл! Полетела по ледяному залу веселая, задорная камаринская. Да так складно, что ноги сами в пляс просятся.

Зюзя сначала брови хмурил, ладонью по колену стучал. Потом видит — медведи-стражники у дверей переминаются, хвостами крутят. Не выдержал ледяной царь, усы задергались, и... улыбнулся! А как улыбнулся — побежал по залу тёплый весенний ветерок, хрустальные стены заслезились, капель зазвенела. Сердце у Зюзи оттаяло, подобрел он.

— Ох, Макар, — утирая ледяную слезу, промолвил царь. — Сто лет я так не радовался. Твоя правда — музыка да доброе слово сильнее любого мороза. Забирай свой тепляк, заслужил!

Ударил Зюзя посохом оземь, раздвинулись плиты ледяные, и поднялся оттуда огненный камень-тепляк. Сам небольшой, а жар от него идет — словно от хорошей печки.

Поблагодарил Макар царя, завернул камень в пуховые рукавицы, сел на верного Волка и пустился в обратный путь. К утру уже дома был.

Положил Макар камень-тепляк в печь. В тот же миг изба прогрелась, иней с бревен сошел, Любава шали скинула, улыбается. На окна цветы заморские распустились, а из трубы дым пошел сиреневый, с запахом спелой земляники.

С тех пор в избе у Макара всегда лето стояло, даже в самые лютые морозы. Со всего царства люди приходили погреться да Макаровы сказки послушать. И все поняли: куда Макар за тепляком ходил, туда не всякий доберется, но если идти с добрым сердцем да веселой песней — любая зима отступит!

Макар и лесное Лихо

Хорошо жилось Макару да Любаве с камнем-тепляком в печи. В избе — тепло и благодать, на подоконниках укроп зеленеет, а из трубы пахнет печеными яблоками. Да только не зря в народе говорят: «Коли у одного густо, у соседа зависть растет». На беду, прознало про волшебный камень Лихо Одноглазое, что жило в самой глухой чаще, на старом гнилом болоте.

Само Лихо было ростом с сухую корягу, тощее, серое, и всего один большой глаз посреди лба горел зеленым болотным огнем. Любило оно, чтобы все вокруг выло, мерзло да плакало. А тут — ишь чего удумали! — посреди лютой зимы у Макара в избе весна цветет.

Решило Лихо камень-теплек украть.

Дождалось оно, пока Макар в лес ушел коням сена привезти. Подкралось к избе, обернулось холодным сквозняком, шмыгнуло в щель под дверь — да прямо к печке! Схватило костлявыми лапищами горячий камень, сунуло в грязный мешок, прыгнуло в окно и поминай как звали.

Приходит Любава в горницу — а в избе вмиг холодать стало. Вода в кадке ледком покрылась, цветы на окнах завяли. Поняла она, что беда случилась, выбежала на крыльцо, плачет. Тут и Макар из леса вернулся. Посмотрел на следы корявые возле завалинки, на иней, что стекла затягивает, и насупился:

— Не плачь, Любава. Это Лихо Одноглазое балует. Силой его из болота не выкурить, оно на злости человеческой только крепнет. Тут мы по-другому поступим. Напеки-ка мне, женушка, мешок блинов — да самых масляных, золотых, горячих!

Любава спорить не стала. Затопила печь обычными дровами, замесила тесто. Напекла целую гору блинов, один к одному, словно маленькие солнышки. Завернул их Макар в теплый холст, положил в суму и пошел в глухую чащу.

Долго шел, пробирался сквозь бурелом, пока не вышел к покосившейся избушке на курьих ножках, что посреди болота стояла. А вокруг избушки — жуть: птицы замертво падают, деревья льдом покрыты, и пар из окон валит — это Лихо камень-теплек в ледяной воде утопить пытается, да никак не выйдет.

Подошел Макар к двери, ладонью постучал:

— Эй, хозяин болотный! Принимай гостя, чай пить будем!

Дверь со скрипом распахнулась, вылезло Лихо, единственным глазом злобно сверкает, зубами щелкает:

— За камнем пришел, Макарка? Не отдам! Мое теперь тепло! Буду один греться, а вы в деревне все замерзнете!

— Да зачем мне камень? — улыбнулся Макар, присаживаясь на пенек у порога. — Я тебе его вовсе подарить пришел. Дело-то прошлое, на дворе зима, всем греться надо. Я вот тебе к теплым денечкам гостинец принес — блинов домашних, Любавушка моя пекла. Попробуй, с пылу с пылу!

Достал Макар блины. По лесу такой аромат пошел — сливочный, сладкий, сытный, что у Лиха отродясь в животе так не урчало. Оно ведь кроме гнилых опят да болотной жижи ничего не едало.

Протянуло Лихо костлявую лапу, взяло один блин, в рот сунуло... и замерло. Блин мягкий, сладкий, масляный — прямо тает. Вторым закусило, третьим. А Макар знай себе подкладывает:

— Кушай, Лихо, не обляпайся. Вот тебе еще со сметанкой, вот с медком лесным.

Ест Лихо, за обе щеки уминает, глаз у него из зеленого и злого стал теплым, желтеньким, как лампадка. А от сытости да от доброго слова Макарова стало его в сон клонить. Ведь когда человека — или даже Лихо — вкусно кормят да не ругают, вся злость куда-то испаряется.

— Ух, Макар... — разомлело Лихо, утирая масляные губы лапой. — Хороши блины. Никогда меня никто не угощал, все только ругали да палками гнали... Оттого я и злое было.

— Так ты заходи к нам на Масленицу, — говорит Макар. — Любава еще не то приготовит. А камень ты себе оставь, коли так нужно. Нам и обычных дров хватит, руки-ноги есть, наработаем.

Посмотрело Лихо на Макара, потом на свой грязный мешок, где камень-тепляк лежал, и застыдилось.

— Нет, — говорит, — заberi. Мне, болотному жителю, такая жара ни к чему, у меня от нее лягушки сонные становятся. А за блины — спасибо.

Достало Лихо камень, отдало Макару. Пожали они друг другу руки (у Лиха лапа оказалась совсем не страшной, а просто прохладной, как весенний листок), и пошел Макар обратно к деревне.

Вернулся домой, положил камень в печь — и снова в избе весна зацвела. А Лихо Одноглазое с тех пор пакости строить перестало. Наоборот, если кто в лесу дорогу терял — оно тихонько сквозняком дуло, правильный путь указывало, а по весне Макару на крыльцо корзину с первыми кувшинками приносило. Ведь доброе слово и вкусный блин даже самое лесное зло в доброго соседа превратить могут!

Макар и Конь-Огнегрив

Пришла весна, запели птицы, стоял лед на реке, и пришло время Макару о главном крестьянском деле подумать — о пахоте. Камень-тепляк в печи — вещь отличная, избу греет, да только поле за тебя не вспашет. А старая кобыла Милка за зиму совсем разленилась, только сено жует да бока чешет.

Собрал Макар в сумочку припрятанные серебряные монеты, поцеловал Любаву и отправился в уездный город на весеннюю конную ярмарку.

Шум на ярмарке стоял такой, что уши закладывало! Цыгане поют, гармошки играют, купцы на все лады свой товар хвалят. Коней привели видимо-невидимо: и вороные как ночь, и белые как лебеди, и яблочные в крапинку. Ходит Макар между рядами, приценивается, да все не то. Один конь больно горяч — пахать на таком нельзя, все поле истопчет. Другой — ленив, уши повесил.

Вдруг видит Макар — в самом дальнем углу, у разбитого забора, стоит старик-купец в потрепанном кафтане. А рядом с ним на веревке конь. Да такой странный: шерсть тусклая, уши длинные, сам худой, костлявый, словно жердь. Но стоило солнцу на его гриву упасть, как вспыхнули волоски золотыми и красными искрами, словно угли в костре.

— Эй, почтенный! — подошел Макар. — Что за зверя продаешь? На коня мало похож, скорее на сухую корягу.

Старик вздохнул, огляделся по сторонам и шепчет:

— Это, парень, не простая кляча. Это Конь-Огнегрив. Рожден он от степного пожара и полуденного ветра. Силы в нем — на три тяговые лошади хватит, а бежит быстрее молнии. Да только характер у него с изъязном: в руки никому не дается, узду рвет, седло сжигает. Купцы богатые пробовали его объездить, так он им чуть бороды не спалил. Отдаю за бесценок — за три серебряных, лишь бы со двора увести, пока он мне амбар не спалил.

Посмотрел Макар коню в глаза. А глаза у Огнегрива умные, гордые, и в самой глубине зрачков маленькие огоньки пляшут. Понял парень: силой и плеткой такого коня не возьмешь, тут опять смекалка нужна.

Достал Макар три монеты, отдал старику, взял веревку. Конь как почувствовал чужую руку — захрапел, на дыбы поднялся, копытами искры из камней высек! Народ кругом с криками враспынную бросился: «Беги, парень, убьет!»

А Макар и не думает бежать. Достал он из кармана холщовый мешочек, а в нем — подарок от Любавы: сушеная лесная земляника, что на камне-тепляке всю зиму сушилась, душистая, сладкая. Насыпал Макар ягоды на ладонь, протянул коню и говорит тихонько:

— Ну-ну, тише, Огнегривушка. Знаю, обижали тебя, уздой железной мучили, сухим овсом кормили. А ты ведь волю любишь. Попробуй-ка нашей, таежной ягодки. Она солнцем пахнет.

Конь уши прижал, понюхал горячим ноздрями ладонь. Запахло летом, родной степью и теплом. Лизнул Огнегрив ладонь шершавым языком, захрустел земляникой, а искорки в его гриве из сердитых, синих стали ласковыми, золотыми. Опустил он голову Макару на плечо, затих.

— Ну вот и ладно, — улыбнулся Макар. — Пойдем дом смотреть.

Привел Макар коня в деревню. Любава как увидела — ахнула:

- Ой, Макарушка, да он же нам весь двор сожжет!

Но Огнегрив велся себя смирно. Макар не стал запира́ть его в темный хлев, а сделал просторный навес, постелил свежей соломы и узду железную выкинул — соткала ему Любава недоуздок из мягкой конопляной пряжи, украсив речным бисером.

На следующее утро выехали в поле. Соседские мужики собрались на заваulinке, зубы скалят:

— Поглядим, как Макар на своей головешке пахать будет! Он его запряжет, а тот плуг в пепел обратит!

Вывел Макар коня, приладил плуг. Огнегрив копытом бьет, земля под ним дымится.

— Пошел, родной! — крикнул Макар.

И как двинулся конь! Плуг шел по застывшей после зимы земле, как по маслу. Где Огнегрив копытом ступал — там земля вмиг прогревалась, оживала, паром исходила. За один час Макар вспахал столько, сколько вся деревня за три дня со своими лошадьми осилить не могла. Да не просто вспахал — земля после огненного коня стала такой мягкой и плодородной, что брошенное зерно на следующий же день зелеными стрелочками из земли проклюнулось.

Закончили работу, Огнегрив стоит, шею гордо выгнул, грива на ветру как знамя колыхается. Мужики деревенские рты открыли, шапки поснимали:

— Ну, Макар, ну, голова! Из сухой клячи золотого помощника сделал!

Вечером Любава вынесла коню целое ведро ключевой воды и каравай хлеба с солью. Огнегрив пил, фыркал, и от его дыхания над двором расцветала маленькая, веселая радуга. С тех пор стал Конь-Огнегрив лучшим другом в хозяйстве. Макар на нем и пахал, и в город за солью ездил — за пять минут оборачивался. А зимой конь вместе с камнем-тепляком так избу согревал, что у Макара на подворье даже в январе вишни цвели.

И поняли все в округе: гордость силой не укротишь, а вот лаской, добрым словом да горстью земляники можно даже самый дикий огонь себе во спасение обернуть!

Как Макар купца проучил

Прознал про чудо-коня богатый купец Гордей самозванный. Был тот Гордей поперек себя шире, ходил в парчовом кафтане, а пальцы у него были как огурцы — все в золотых перстнях. Земли у купца было много, да только росла на ней одна горькая полынь, потому что Гордей работников плеткой потчевал, а землю слезами поливал.

Услышал купец, что у простого мужика Макара Конь-Огнегрив за час целое поле пашет, да так, что зерно на следующий день всходит. Зависть Гордея за горло взяла.

Прикатил купец в деревню на расписной карете, запряженной шестеркой сытых лошадей. Вылез, брюхо выставил, перстнями так и сыплет:

— Слышь, Макарка! Продай коня. Даю за него сто золотых монет! Купишь себе новую избу, бабе — бусы, будешь на печи лежать, в потолок плевать.

Посмотрел Макар на купца, потом на Огнегрива, что из-за забора на Гордея уши прижал.

— Нет, господин купец, — отвечает Макар. — Друзья не продаются. Конь мне не товар, а товарищ. Нам и в старой избе хорошо, а золоту твоему на нашем поле делать нечего.

Позеленел Гордей от злости, ногами затопал:

— Да я тебя в порошок сотру! Да я судиться буду!

Покричал, сел в карету и уехал. Но у купеческих людей ум на хитрости заточен. Решил он Огнегрива ночью выкрасть.

Послал Гордей трех своих самых сильных и верных слуг-охранников. Подкрались они к Макарову двору глухой ночью, когда луна за тучу спряталась. Накинули на Огнегрива толстую веревку, смоченную в ледяной болотной воде (чтобы грива ладони не обожгла), и увели со двора. Конь хотел было заржать, да слуги ему рот мешком завязали.

Проснулся утром Макар — навес пуст. Любава в слезы, а Макар осмотрел примятую траву, нашел оброненную золотую пуговицу от купеческого кафтана и призадумался.

— Не плачь, Любава, — говорит он. — Огнегрив — конь с характером. Гордей думает, что силой удержать можно, да только огонь в сундуке не запертишь. Пойду я коня выручать, да только не с топором, а с умом.

Взял Макар из печки ту самую медную пуговицу, что у Водяного уху наварила, взял горсть сушеной земляники и пошел к купеческой усадьбе.

А в усадьбе у Гордея в это время дым стоял коромыслом! Купец велел запрячь Огнегрива в тяжелый железный плуг. Конь упирается, копытами землю роет, из ноздрей искры летят. Слуги его кнутами бьют, а Гордей кричит:

— Паши, чертяка! Паши, а не то голодом заморю!

Огнегрив разозлился, тряхнул головой — и ка-а-ак дунет огнем! Вспыхнул железный плуг, расплавился, словно восковая свечка. Загорелся и деревянный забор усадьбы. Слуги в панике с ведрами бегают, Гордей за кафтан держится — того и гляди, вся усадьба по ветру пойдет.

Тут на купеческий двор спокойно входит Макар.

— Здорово, Гордей! — кричит. — Гляжу, помощника себе завел? Только пахать на нем у тебя не выйдет. Огнегрив — конь вольный, он от злости только сильнее горит. Ты его кнутом, а он тебя — пеплом.

— Макарка! — завопил купец, прячась за широкую бочку с водой. — Спаси! Забирай своего дьявола обратно, только уйми пожар! Всю усадьбу спалит!

— Уймись, Огнегривушка, — ласково позвал Макар и протянул руку с земляникой.

Конь сразу затих, пламя в гриве улеглось. Подошел он к хозяину, ткнулся носом в ладонь. Пожар сам собой утих, только забор немного обуглился.

Гордей из-за бочки вылез, дух перевел, но жадность-то в нем не угасла:

— Ладно, конь твой. Но устав есть устав! Ты на мою землю без спросу зашел? Зашел! Коня твоего я на своей земле поймал? Поймал! Значит, плати мне штраф за потраченное время и сгоревший забор — пятьдесят золотых, не то в темницу посажу!

Мужики-слуги вокруг обступили Макара, дубинки в руках крутят.

— Штраф так штраф, — согласился Макар. — Только золота у меня нет. Зато есть у меня редкая вещь, заговоренная — пуговица медная, полковая. Кто ее в карман положит, у того любое дело спориться будет, а золото само в кошелек потечет. Давай меняться: я тебе пуговицу, а ты мне — расписку, что претензий больше не имеешь.

Посмотрел Гордей на пуговицу — обычная медь, но начищена так, что солнце слепит. А купец-то верил во всякие заговоры да приметы, оттого и богател, что у других все выманивал.

— Давай свою пуговицу! — выхватил Гордей медяшку и тут же спрятал в самый глубокий карман кафтана. Написал расписку, отдал Макару. — Проваливай!

Макар сел на Огнегрива и весело ускакал домой.

А с купцом Гордеем после этого странные дела начаться стали. Пуговица-то была непростая — Трофим-кашевар ее у Водяного заговорил, чтобы в котелке всегда уха наваристой была. Вот и в кармане у купца началось «волшебство». Положит он туда золотую монету — а она бац! — и в жирного леща превращается. Засунет руку за рублем — а достает склизкого судака.

Через неделю у Гордея все сундуки рыбой пропахли, а золото купеческое куда-то испарилось — Водяной свое добро обратно через карманную дыру на дно озера утягивал. Пришлось купцу усадьбу продавать и в рыбаки идти, чтобы хоть как-то концы с концами сводить.

А Макар с Любовью и Огнегривом жили-поживали, поле пахали, хлеб собирали да над купеческой жадностью посмеивались. И все в округе знали: кто к Макару с силой придет — тот от огня побежит, а кто с хитростью — тот сам без штанов останется!

Как Макар царя кашей кормил

Докатилась слава о находчивом парне Макаре, его жене Любаве и волшебном Конь-Огнегриве до самого стольного града. Услышал о них сам царь таежного государства — Еремей Грозный. Был тот царь нравом крут, суров, но справедлив, а пуще всего на свете не любил, когда ему лгали или хвастались понапрасну.

Решил Еремей лично проверить, правду ли люди болтают, или Макар просто языком чесать мастак. Сел царь на лихого скакуна, переоделся в простое купеческое платье (чтобы инкогнито быть) и прискакал прямо к Макарову двору.

Входит на подворье, видит — сидит Макар на завалинке, ножичком из сосновой щепки ложку вырезает, а рядом Конь-Огнегрив стоит, ласково так ушами шевелит.

— Здорово, хозяин! — громовым голосом крикнул царь. — Слышал я, что ты тут самый умный в округе, все у тебя по-хитрому да по-новому. А сможешь ли ты, Макарка, меня, проезжего гостя, удивить? Да так удивить, чтоб у меня дух захватило! Коли сможешь — одарю по-царски, а коли нет — велю твоего коня в казну забрать за колдовство!

Посмотрел Макар на гостя. Хоть одет тот был просто, да осанка благородная, сапоги из дорогой кожи, а на пальце — след от царской печатки. Сразу понял Макар, кто перед ним стоит.

— Отчего не удивить, почтенный гость? — улыбнулся парень. — Удивить мы рады. Присядь с дороги, отдохни, а жена моя, Любавушка, как раз обед приготовила. Накормим тебя нашей фирменной таежной кашей. От нее не то что дух захватит — у тебя из уст песня сама польется.

Завел Макар гостя в избу. А в избе, как обычно, благодаря камню-тепляку в печи, тепло, пахнет сушеной черникой и мятой. Накрыла Любава на стол, поставила большой глиняный горшок с простой пшенной кашей.

Царь Еремей глянул в горшок, усы надул, губы скривил:

— И это — твое удивление? Да у меня дома... то есть, в городе, такой каши пруд пруди! Ей только дворовых собак кормить. Обычная крупа, ни рыбы, ни мяса заморского. Обманул ты меня, Макарка! Быть тебе без коня!

— Ты не спеши, гость дорогой, — спокойно отвечает Макар. — Каша-то обычная, да ложка к ней нужна специальная. Без нее волшебство не работает.

Достал Макар ту самую деревянную ложку, что давеча на завалинке вырезал. Обычная липовая ложка, только на ручке Тимка-муравей (который как раз гостил у Макара по обмену опытом) выжиг хитрый узор-лабиринт.

— Ну-ка, отведай, — протянул Макар ложку царю.

Взял царь Еремей ложку, зачерпнул каши, в рот донес. И только проглотил — как глаза у него округлились, дыхание перехватило! Каша на вкус оказалась не просто пшонкой, а словно сочным фазаном в брусничном соусе, да с привкусом меда диких пчел и ароматом спелой таежной малины! А все потому, что Тимка-муравей по Макарову чертежу сделал на ложке микроскопические бороздки: когда каша по ним текла, она насыщалась воздухом и ароматами трав, что Любава в печь подкидывала.

— Ох ты! — ахнул царь, да так, что корона под шапкой съехала. — Ну и ну! Да это же не каша, это пир королевский! Как ты это сделал, колдун?

— Никакого колдовства, — рассмеялся Макар. — Чистая смекалка да законы природы. У хорошего хозяина и простая каша царским блюдом оборачивается, если ложка с умом сделана, а в печи правильный камень лежит.

Тут царь не выдержал, сбросил купеческую шапку, показал золотой венец:

— Ладно, Макар, твоя взяла! Я — царь Еремей. Хотел тебя проучить, да сам в дураках чуть не остался. Удивил ты меня, честное слово. Проси чего хочешь! Хочешь — золота сундук, хочешь — деревню целую в управление дам?

Поклонился Макар царю низко, но с достоинством:

— Спасибо, царь-батюшка, за щедрость. Да только золото в сундуке ржавеет, а деревней управлять — у меня своего поля полно, Огнегрив заждался. Подари мне лучше, государь, грамоту царскую, чтоб никто мою землю не трогал и коня увести не смел. Это для меня лучшая награда будет.

Удивился царь Еремей такой скромности да мудрости. Достал свиток пергамента, написал указ, припечатал своей золотой печатью.

— Быть по-твоему, Макар! Отныне твоя земля — вольная, налоги с нее не берутся, а ты — Главный Советник по Смекалке при царском дворе. Если на нас какая беда или война пойдет — первейшим делом к тебе за советом гонца пришлю.

Пожал царь Макару руку, поблагодарил Любаву за обед, сел на коня и ускакал обратно в столицу, сытый и довольный.

С тех пор зажили Макар с Любавой и вовсе без забот. Царская грамота на стене под иконами висела, никакие купцы-завистники да злые приставы к их двору больше и близко не подходили. А Макар продолжал на Огнегриве поле пахать, Тимке-муравью новые чертежи слать, да кашу своей чудесной ложкой наворачивать. И вся округа знала: если у тебя в голове ум, а в сердце доброта — то и сам царь тебе не страшен, а первый друг и защитник!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.